

УДК 820

«TO SOLITUDE» ДЖ. КИТСА И «SEHNSUCHT» Н.П. ОГАРЕВА: ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

© 2013 А.Э. Дудко

Орловский государственный университет

Поступила в редакцию 11.2.2013

Аннотация: В статье анализируется стихотворение Дж. Китса, появившееся в русском переводе в середине XIX века. Представленный сравнительно-сопоставительный анализ сонета Дж. Китса «To Solitude» и стихотворения Н.П. Огарева «Sehnsucht», несмотря на различия в понимании авторами искусства, последовательно доказывает приверженность Огарева романтическим идеям Китса.

Ключевые слова: Китс, поэтический перевод, сонет, русско-английские литературные связи, английская силлаботоника, ритм 6-стопного ямба, система рифмования.

Summary: This Article analyses poem by John Keats which appeared in Russian translation in the mid-nineteenth century. The presented comparative analysis of Keats's sonnet «To Solitude» and Ogarev's «Sehnsucht» consistently proves Ogarev's commitment to Keats's romantic ideas, despite distinctions in understanding art by the authors.

Key words: Keats, poetic translation, sonnet, Russian-English literary ties, English accentual-syllabic, rhythm of six iambic feet, rhyme system.

В своей замечательной книге «Против энтропии» Евгений Витковский со свойственной ему ностальгической критичностью написал о судьбе творческого наследия Китса в России следующее: «Без Джона Китса наша родная, русская поэзия и в XIX, и в первой половине XX века была прекрасно представима <...> сто лет ушло у поэтов-переводчиков на то, чтобы целиком перевести хотя бы лирику и основные поэмы Китса; его драмы и неоконченные поэмы выходят по-русски только теперь». [1] В известной степени ему вторит Сергей Федосов, который даже не упоминает имени Китса в числе самых переводимых в России английских поэтов. [2]

Причины такого невнимания к одному из самых проникновенных и «классических» английских романтиков до сих пор кажутся странными, тем более, что Байрона, начавшего свою литературную деятельность всего лишь на девять лет раньше – в 1807 году, стали переводить еще при жизни, Шелли – в середине XIX столетия.¹ Неравномерность переводческого процесса в России, конечно же, во многом объясняется внутривосточной ситуацией, а точнее – цензурными запретами, которые русскими поэтами-переводчиками очень часто нарушались. И если Байрона, которого в начале XIX века называли бунтарем и «безбожником-стихотворцем» [4, 342], с восторгом переводили все², то к Китсу, ввиду неясности его политического имиджа, долгое время относились

настороженно³. Даже в гербелевском издании «Английские поэты в биографиях и образцах» (1875) ему не нашлось места.

Дата появления первого перевода стихотворений Китса переносилась уже как минимум дважды: долгое время первооткрывателем считался К. Чуковский⁴, который никак не комментировал свои публикации в приложении к журналу

«Нива» (1908). Только сравнительно недавно был обнаружен забытый перевод Н. Новича (Н.Н. Бахтин), который еще в 1895 году к столетию английского поэта опубликовал сонет «К моим братьям» в газете «Петербургская жизнь».

Но имя Джона Китса было известно русским читателям еще задолго до этого. Первым упоминанием в русской прессе, по свидетельству М.П. Алексеева, можно считать перевод книги Д. Вольфа «Чтения о новейшей изящной словесности» (1835), в которой по поводу стихотворений Шелли отмечалось: «Из числа поэтических творений его почитаю самым лучшим элегию «Adonais» на смерть одного друга <эта элегия, как гласит ее подзаголовок, написана «на смерть Джона Китса» и опубликована в 1821 г.>, нить жизни коего, во цвете лет, безжалостно пресекли неумолимые Парки». [4, 530]

Упоминания о Китсе встречаются в дореволюционных статьях и книгах Н.Г. Чернышевского (1854) [7, 93], Ю. Шмидта (1864) [8], А.В. Дружинина (1865) [9], Л.И. Мечникова (В. Басардин, 1880) [10], В.Ф. Корша (1892) [11,

© А.Э. Дудко, 2013

670-673], В.Д. Набокова (1896) [12, 18], Алексея Веселовского (1902) [13, 37 и 264], В.Я. Брюсова (1904) [14, 13-14], И.В. Шкловского (Діонео, 1908) [15, 65], Н.Е. Кудрина (Н.С. Русанов, 1908) [16, 266-267], Н.Я. Абрамовича (1908) [17] и т. д. Особенное место в этом ряду занимают статьи, посвященные непосредственно жизни и творчеству английского романтика: «Английские поэты, современные лорду Байрону» (1853) [18], «Джон Китс и современная английская поэзия» (1856) [19], «Джон Китс и его поэзия» З.А. Венгеровой (1889) [20], «Китс» Б.Л. Бразоля (1910) [21]. Соответствующие биографические разделы появились в «Истории западной литературы» под редакцией Ф.Д. Батюшкова (1912) [22], в пособии к лекциям, «читанным в университете и на Высших женских курсах» М.Н. Розанова (1915) [23, 179-184], в учебнике Ф. Де Ла-Барта [24, 204-207] и некоторых других энциклопедических изданиях. [25, 234-235; 26, 794]

Как видно из приведенного списка, вхождение Китса в русскую литературу происходило не совсем обычным путем: подготовленная переводными и русскими публикациями⁵ почва была готова к восприятию собственно поэтического слова английского классика, но никто из переводчиков словно бы не решался на этот последний шаг. Пожалуй, появление в 1862 году в «Русском вестнике» стихотворения Б.Н. Алмазова «Успокоение» с пометкой – «Подражание Китсу» [30, 750-752]⁶, с большой натяжкой можно считать одним из первых приближений к творчеству молодого поэта, «чье имя написано на воде»⁷.

Но и это еще не окончательный вердикт.

В 1980 году поэт и переводчик Григорий Михайлович Кружков опубликовал в журнале «Литературная учеба» статью, в которой доказывал, что «историю русского Китса, по-видимому, нужно начинать с 1856 года». [32, 198] Основанием для такого заявления послужило обнаруженное им чрезвычайно сходство образных линий сонета «*To Solitude*» Дж. Китса и стихотворения «*Sehnsucht*» Н.П. Огарева, а также то, что стихотворение русского поэта датируется 1856 годом, «годом переезда Н. Огарева в Англию». [32, 197] Такое предположение во многом зиждется и на огромном интересе русского революционера ко всей прогрессивной литературе [33], и на том факте, что сам он активно переводил немецких и английских поэтов, и в частности – «Стансы» Дж. Байрона («Ни одна не станет в споре / Красота с тобой...»).

Совпадение текстов «*To Solitude*» и «*Sehnsucht*» на уровне отдельных строк, действительно, удивительны:

O Solitude! if I must with thee dwell,

O, если бы я мог хотя на миг один

*Let it not be among the jumbled heap
Отстать от мелкаго брожения людского,
Of murky buildings; climb with me the steep,
Я радостно б ушел, туда, за даль равнин,
Nature's observatory – whence the dell,
На выси горная, где свежая дуброва
Its flowery slopes, its river's crystal swell,
Зеленые листы колышет и шумит,
May seem a span; let me thy vigils keep
Между кустов ручей серебряный журчит,
'Mongst boughs pavillion'd, where the deer's swift leap
Startles the wild bee from the fox-glove bell.
Жужжит пчела, садясь на стебель гибкий,
But though I'll gladly trace these scenes with thee,
И луч дневной дрожит сквозь чащу зыбкой.
Yet the sweet converse of an innocent mind,
Там соловей споем мне песню про весну;
Whose words are images of thoughts refin'd,
Забуду прошлое и, впредь не видя цели,
Is my soul's pleasure; and it sure must be
Almost the highest bliss of human-kind,
Я лягу на траву душистую и сну
When to thy haunts two kindred spirits flee.
Предамся сладостно, как будто в колыбели.
[28, 70] [34, 307]*

Г.М. Кружков настаивает на том, что концовка стихотворения Огарева совпадает с концовкой другого сонета Китса – «Written on the blank space of a leaf at the end of chaucer's tale of «The flowre and the lefe» (1817):

I, that do ever feel athirst for glory,

Там соловей споем мне песню про весну;

Could at this moment be content to lie

Забуду прошлое и, впредь не видя цели

Meekly upon the grass, as those whose sobbings

Я лягу на траву душистую и сну

Were heard of none beside the mournful robins.

Предамся сладостно, как будто в колыбели.

[35, 385]

Несмотря на замену обращения ко второму лицу на повествование от первого, дикой пчелы – на шмеля, малиновки – на соловья и т.д., Г.М. Кружков все же настаивает на генетической близости этих трех стихотворений. Не останавливает его даже то, что на формальном уровне между сонетами Китса и стихотворением Огарева нет почти ничего общего: первые написаны 5-ст. ямбом по итальянской модели⁸, огаревский текст выполнен 6-ст. ямбом (с вкраплением двух строк 5-ст. ямба) и представляет собой три четверостишия с разной системой рифмовки – аВаВ ссDD eFeF.

Многомысленные рассуждения переводчика вызвали бурную полемику⁹, но это не помешало составителям сборника стихотворений Китса в «Литературных памятниках» упомянуть его статью и привести в комментариях довольно вы-

разительный и точный перевод сонета «К Оди-
ночеству». [6, 318] К высказанным возражениям
можно было бы добавить и многие другие, из
которых самым значимым, на наш взгляд, был бы
вопрос о заголовочном комплексе стихотворения
Н.П. Огарева, которое «замаскировано немецким
названием». [32, 198] Во многом именно это об-
стоятельство позволяет вслед за Г.Г. Подольской
в сближаемых текстах видеть «пример типологи-
ческой общности, а не конкретного литературно-
го контакта». [31, 38] Если бы не одно «но»...

Ю. Айхенвальд в книге «Силуэты русских
писателей» так характеризует Н.П. Огарева: «поэт
хандры, жизни прожитой; он – певец тоски, веч-
ной *Sehnsucht* (страсти)». [36, 150] И это заставляет
предполагать не просто характеристику, данную
по названию произведения, а определенную идей-
но-эстетическую оценку. Еще Август Шлегель
ввел в романтический обиход слово «*Sehnsucht*»
(«томление»), которое, на его взгляд, было при-
суще романтизму в противовес античности: «Die
Poesie der Alten war die des Besitzes, die unsrig eist
die der Sehnsucht». [37, 543] Н.Е. Никонова особо
отмечает традиционные поэтизмы немецких ро-
мантиков – «*süßes Sehnen*» и «*Sehnsucht*», обозна-
чающие «сладостное томление и тоску по милому
идеалу, романтическое двоемирие» вошедшие
«в генетический код русской поэзии благодаря
Жуковскому». [38, 105]

История русских стихотворений с этим не-
мецким названием, судя по всему, берет начало
от переводов Гете¹⁰ и Шиллера¹¹. Стихотворение
последнего с одноименным названием было пере-
ведено самим В.А. Жуковским и опубликовано
в «Вестнике Европы» в 1813 году. [40] Спустя 45
лет А.В. Дружинин в статье «Шиллер в переводе
русских писателей» приводил несколько строф из
перевода В.Г. Бенедиктовым «Богов Греции», «ис-
полненных прелести, пропитанных тем великим
поэтическим *Sehnsucht*, для определения которого
нет ясных названий на языке нашем». [41, 441]¹²
У К.С. Аксакова есть перевод стихотворения
Фридриха Готлиба Ветцеля «*Sehnsucht*» из цикла
«*Leben und Liebe*», опубликованное в 1839 году
под названием «Стремление» [43, 8-9], и к тому
еще оригинальное стихотворение «О, *Sehnsucht*»,
написанное даже раньше перевода в 1836 году.

Таким образом, можно говорить о том, что
выбор Н.П. Огаревым в качестве единственного
элемента заголовочного комплекса поэтизма
«*Sehnsucht*» не является следствием «маскировки»
стихотворения (как минимум, для чего и от кого?),
а указанием на устойчивую романтическую тра-
дицию, неким концептуальным обобщением,
указывающим не на ту или иную национальную
художественную систему, а на мировоззренческую
позицию. И в таком случае ничто не мешает вос-

принимать указанные Г.М. Кружковым сонеты,
да и многие другие стихотворения Дж. Китса,
в качестве возможных претекстов.¹³

Показательно в этом отношении, что в сбор-
нике английского поэта Артура Хью Клафа (Arthur
Hugh Clough, 1819-1861) в цикле «*Poems on Life
and Duty*» помещено стихотворение с немецким
названием – «*Sehnsucht*», в котором сквозным
рефреном дается строчка «*Whence are ye, vague
desires?*» [«Откуда вы, смутные желания?»]:

*Whence are ye, vague desires,
Which carry men along,
However proud and strong;
Which, having ruled to-day,
To-morrow pass away?
Whence are ye, vague desires?
Whence are ye? [45, 149]*

Мы далеки от мысли сопоставлять это длин-
ное стихотворение с огаревским, но все же нельзя
исключить возможности знакомства русского
поэта, только что приехавшего в Англию, с твор-
чеством близкого друга Лонгфелло и Эмерсона,
поэтом, получившим известность благодаря
безнравственной и прокоммунистической, как
отмечали критики, поэме «*Bothie of Tober-na-
Vuolich*» (1848).

В контексте представленных рассужде-
ний совсем иначе выглядят предположения
Г.М. Кружкова, в пользу которых можно привести
дополнительные соображения. Прежде всего –
Н.П. Огарев, как и многие поэты-демократы из
круга, близкого к Н.В. Станкевичу, с подозрением
относился к различным формальным украшениям
стиха, эстетическим излишества¹⁴. Именно
потому в его поэтическом арсенале очень мало
сонетов¹⁵. В первую очередь Николая Платоно-
вича интересовали мысли и чувства, а не форма
их подачи, которая не должна была отвлекать от
прогрессивного содержания. В сонетах Дж. Ки-
тса, если он был знаком с ними (в чем довольно
сложно сомневаться ввиду приведенных сооб-
ражений), Огарев мог увидеть квинтэссенцию
романтического мировосприятия, родственного,
например, лермонтовскому «Сну» – одному из
самых inferнальных, по мнению Д.С. Мережков-
ского, стихотворений в истории русской поэзии.
[47] То, что эта тема интересовала юного Огарева,
доказывают близкие по настроению стихотворе-
ния 40-х годов: «Смутные мгновенья», «Разлад» и
особенно – «Полдень» (1841), в котором выстроен
очень похожий на сонет «*To Solitude*» и стихо-
ворение «*Sehnsucht*» образный ряд: темный лес,
даль небес, щебечущие птицы, жужжащий жук
(«И звуки все так полны тайной...»). Особенно
показательна концовка этого стихотворения,
максимально приближенная по мысли к сонету
английского романтика:

*В то время странным чувством мне
Всю душу сладостно объемяет;
Теряясь в синей вышине,
Она лесному гулу внемлет
И в забытыи каком-то дремлет. [48, 20]*

Думается, что совершенно не случайно это стихотворение было опубликовано в книжке стихов Н.П. Огарева 1858 года одним из первых наряду со знаменитым, наполненным лондонскими впечатлениями стихотворением «Встреча» («Друзья они смолоду были, / но рано расстались они...»).

Второе соображение, не совсем бесспорное, касается необычной формы стихотворения 1856 года. Из трех входящих в его состав четверостиший срединное резко отличается не только системой рифмования (смежная вместо перекрестной), но метрическими переборами: за двумя строками 6-стопного ямба, доминирующего во всем тексте стихотворения, следуют две строки 5-стопного ямба, рифмующиеся между собой («Жужжит пчела, садясь на стебель гибкий, / И луч дневной дрожит сквозь чаши зыбкой»), что вызывает определенные ассоциации с примененной Китсом системой кольцевой рифмовки, также сближающей строки одного образного ряда. Наибольшее количество совпадений с образами «To Solitude» находится именно в этих и предшествующих им двух строчках, причем в целом линейная динамика развертывания образов очень показательна: горы – долины – зеленеющие склоны – река (ручей) – ветви – пчела – трава.

Необычное строфическое решение и образный строй сближают «To Solitude» и «Sehnsucht» с упомянутым стихотворением «Полдень»: написанное 4-стопным ямбом, оно своей причудливой рифмовкой (AbAbCddCeeFFgHgNH) еще больше напоминает сонет Китса, а с другой стороны – вынесенными в рифменную область соседствующих строк глаголами – стихотворение 1856 года. Это позволяет предположить, что у обоих огаревских текстов, представляющих вариацию одной темы, мог быть и общий источник, например – упомянутое в связи с библиотекой А.С. Пушкина парижское издание 1829 года «The poetical works of Coleridge, Shelley, and Keats: complete in one volume».

Кажется, против этой версии ничто не говорит...

ЛИТЕРАТУРА:

1. Витковский Е. Против энтропии. (Статьи о литературе) / Е. Витковский. – М., 2002 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://bookz.ru/authors/evgenii-vitkovskii/s_entropia/page-9-s_entropia.html
2. Федосов С. Английская классическая поэзия в русских переводах / С. Федосов // Новая Русская Книга. – 2002. – №1

// [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nrk/2002/1/fed.html>

3. Венгерова З. Джон Китс и его поэзия: Из истории английской литературы / З. Венгерова // Вестник Европы. – 1889. – Кн.10. – С.539-573.
4. Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи (18 – первая половина 19 вв.) / М.П. Алексеев // Литературное наследство. – Т.91. – М., 1989. – 863 с.
5. Демурова Н. О переводах Байрона в России / Н. Демурова // Байрон Дж. Г. Избранное / 2 изд. – М. : Прогресс (Progress Publishers), 1979. – С.399-426.
6. Китс Джон. Стихотворения. «Ламия», «Изабелла», «Канун св. Агнесы» и другие стихи / Джон Китс. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1986. – 391 с.
7. Чернышевский Н.Г. Новости / Н.Г. Чернышевский // Отечественные записки. – 1854. – Т.95. – Кн.8. – Отд. VII. – С.81-120.
8. Шмидт Ю. Обзор английской литературы XIX-го столетия: Пер. с нем. – СПб. : тип. И. Бочкарева, 1864. – 212 с.
9. Дружинин А.В. Собр. соч.: В 7 т. – СПб., 1865. – Т.3. – 587 с.
10. Басардин В. Перси Б. Шелли // Дело. – 1880. – №9. – С.107-145.
11. Всеобщая история литературы / Под ред. В.Ф. Корша. – СПб. : изд. К.Л. Риккера, 1892. – Т.4. Литература «просвещения». Нидерландская литература. Скандинавская литература. Турецкая литература. Очерки истории литературы XIX столетия. – 1081 с.
12. Набоков В.Д. Сборник статей по уголовному праву. – СПб., 1904. – 321 с.
13. Веселовский А. Байрон: Биографический очерк. – М. : Типо-литография А.В. Васильева и К°, 1902. – 305 с.
14. Брюсов В. Ключи тайн / В. Брюсов // Весы. – 1904. – №1. – С.3-21.
15. Дюнео. Вторая слава // Русское богатство. – 1908. – №12. – С.48-77.
16. Кудрин Н.Е. Красота на служении человечеству / Н.Е. Кудрин // Современные записки. – 1906. – №1. – С. 143-287.
17. Абрамович Н. Эстетизма и эротика / Н. Абрамович // Образование. – 1908. – №4. – С.73-108.
18. [Б.и.] Английские поэты, современные лорду Байрону // Отечественные записки. – 1853. – Т. 86. – №2. – Отд. 6. – С. 59-72.
19. [Б.и.] Джон Китс и современная английская поэзия // Пантеон. – 1856. – Т. 27. – № 6. – Отд. 3. – С. 1-21.
20. З.В. [Венгерова З.А.]. Джон Китс и его поэзия: (Из истории английской литературы) // Вестник Европы. – 1889. – Кн. 10. – С. 539-573; Кн. 11. – С. 62-88.
21. Бразоль Б.Л. Китс (1795 – 1821) // Бразоль Б.Л. Критические грани. – СПб. : «Родник», 1910. – С. 104-112.
22. Венгерова З. Джон Китс (1796–1821) // История западной литературы (1800–1910): В 4 т. / Под ред. проф. Ф.Д. Батюшкова. – М. : Мир, 1912. – Т. 2. – С. 80 – 95.
23. Розанов М.Н. История английской литературы XIX века: Пособие к лекциям, читанным в университете и на Высших женских курсах в 1914/15 акад. Году / М.Н. Розанов. –

М. : печатня А. Снегиревой, 1915. — 196 с.

24. Де Ла-Барт Ф. Литературное движение на Западе в первой трети XIX столетия: 1780–1830 / Ф. Де Ла-Барт. — М. : Просвещение, 1914. — 245 с.

25. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. — СПб., 1895. — Т.15. — 493 с.

26. Большая энциклопедия: Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знаний / Под ред. С.Н. Южакова. — СПб., 1902. — Т.10. — 796 с.

27. Подольская Г. «Сны фантазии» С.Т. Колриджа и заповедь «Не убий» // Галина Подольская. Официальный сайт [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://galinapodolsky.com/sny-fantazii-c-t-kolridzha-i-zapoved-ne-ubij/>.

28. The poetical works of Jonh Keats // The poetical works of Coleridge, Shelley, and Keats. Complete in one volume. Paris : 1829. — P.1-75.

29. Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С. Пушкина / Б.Л. Модзалевский. — СПб. : тип. Императорской Академии наук, 1910. — 442 с.

30. Русский вестник. — 1862. — Т.38. — С.750-752.

31. Подольская Г.Г. Джон Китс в России. Новые переводы / Г. Г. Подольская. — Астрахань : Изд-во Астраханского педагогического института, 1993. — 302 с.

32. Кружков Г. Первый русский перевод из Джона Китса / Г. Кружков // Литературная учеба. — 1980. — №4. — С.195-198.

33. Огарев Н.П. Предисловие / Н.П. Огарев // Русская потаенная литература XIX столетия. — Лондон, 1861. — Ч. I. — С. I-XVI.

34. Стихотворения Н.П. Огарева / Под ред. М.О. Гершензона. — М. : изд. М. и С. Сабашниковых, 1904. — 447 с.

35. Life, letters, and literary remains, of John Keats / Ed. by R.M. Milnes. — New-York : G.P. Putnam, 1848. — 393 p.

36. Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей / Ю. Айхенвальд. — М. : Республика, 1994. — 591 с.

37. Берковский Н.Я. Романтизм в Германии / Вступит. статья А. Аникста. — Л. : Художественная литература, 1973. — 568 с.

38. Никонова Н.Е. В.А. Жуковский и его немецкие друзья: новые факты из истории российско-германского межкультурного взаимодействия первой половины XIX в. / Н.Е. Никонова. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. — 336 с.

39. Жуковский В.А. Собр. соч.: В 4 т. — М.; Л. : Гос. изд-во худож. лит., 1959. — Т. 2: Баллады, поэмы и повести / Подгот. текста и примеч. И.М. Семенко. — 487 с.

40. Вестник Европы. — 1813. — № 7, 8.

41. Дружинин А.В. Собр. соч.: В 7 т. — СПб., 1865. — Т.7. — 787 с.

42. Никонова Н.Е. Переписка В.А. Жуковского и семьи Аделунгов: публикация и научный комментарий / Н.Е. Никонова // Вестник Томского государственного университета. — 2012. — № 362. — С.11-16.

43. Московский наблюдатель. — 1839. — Ч. 2. — С.8-9.

44. Тик Л. Любовные песни немецких миннезингеров / Л. Тик // Литературные произведения западно-европейских романтиков / Под ред. А.С. Дмитриева. — М. : Изд-во Моск. Ун-та, 1989. — С.108-117.

45. The poetical works of Artur Hugh Clough. — N.Y.; Boston : Thomas Y. Crowell and Co, [1900?] — 396 с.

46. Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика / М.Л. Гаспаров. — 2 изд., доп. — М. : Фортуна Лимитед, 2000. — 352 с.

47. Мережковский Д.С. М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // Мережковский Д.С. М. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. — М. : Советский писатель, 1991. — С. 378–415.

48. Стихотворения Н. Огарева. — Лондон : изд. И. Трюбнера и К^о, 1858. — 442 с.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. См.: «В то время как последний (Байрон. — А. Д.) сразу приобрел первоклассное значение во всемирной литературе, а Шелли, непонятый современниками, был признан великим поэтом после смерти, третий из них, Джон Китс, мало известен за пределами своего отечества. Английская критика давно уже сумела оценить по достоинству оригинальное дарование юноши-поэта, внушающего глубокую симпатию как своим творчеством, так и печальной судьбой, и безусловно считает его классическим писателем». [3, 540].

2. См.: «С самого начала своего знакомства с Байроном Россия начала его переводить. Переводили самозабвенно, переводили восторженно десятки самых различных людей. Переводили гимназисты и генералы от инфантерии, переводили землемеры и присяжные поверенные, служащие лесного и прочих департаментов, чиновники по делам инородцев, инспекторы сиротских домов и императорских училищ, учителя, министры, философы, медики, литераторы». [5, 421].

3. Н.Я. Дьяконова объясняет это так: «Вдореволюционной России его знали очень мало. Одной из главных причин была сложность, косвенность его реакции на центральные общественные проблемы века и вместе с тем необычайная образная насыщенность его стиха, дерзость словесных находок. Воспроизвести их средствами другого языка можно только ценой усилий по меньшей мере героических и только при таком высоком общем уровне переводческой культуры, какого не было и не могло быть в те годы». [6, 310]

4. Именно так отмечено в «Материалах к библиографии русских переводов стихотворений Китса», составленных одним из лучших его переводчиков и автором диссертации о переводе «шекспировских» сонетов Дж. Китса С. Сухаревым. [6, 384]

5. По свидетельству Г. Подольской, «вличной библиотеке А.С. Пушкина рядом с произведениями Дж. Байрона стояло парижское издание «Поэтических произведений С.Т. Колриджа, П.Б. Шелли, Дж. Китса» (1829)». [27] В книге Б.Л. Модзалевского «Библиотека А.С. Пушкина» в перечне эта книга «The poetical works of Coleridge, Shelley, and Keats. Complete in one volume» [28] отмечена под № 762. См.: [29, 198].

6. Г.Г. Подольская отмечает по поводу этой публикации следующее: «По стихотворению Б.Н. Алмазова даже невозможно определить, какому конкретно «посланию» он «подражает», ибо текст русского варианта весьма отдаленно соотносится с Китсом <...> Интригующий подзаголовок

(подражание Китсу), вероятно, отчасти смущал и самого Б.Н. Алмазова, привыкшего «переводить», а не «подражать». Это подтверждают переиздания стихотворения в 1874 и 1892 годах, где «Успокоение» публикуется уже без отсылки к Китсу, как собственное произведение поэта. [31, 41]

7. Надпись с надгробия поэта в Риме приведена полностью в парижском издании 1829 года вместе с выразительной самоэпитафией: «Here lies one whose name was writ in water».

8. «To Solitude» имеет систему рифмования abbaabba cddcdc, а второй сонет – abbaabba CDDCEE (редкий для английской сонетики пример использования сплошных женских рифм в терцетах).

9. В частности – Г.Г. Подольская справедливо указывает на такие слабые аргументы, как «скомпрометированные классицизмом» олицетворения (Одиночество, Природа), «реалистические подробности места действия», техницизм «обсерватория Природы» и т. д., а главное – отмечает использование в качестве возможного источника огаревского подражания варианта сонета «К Одиночеству», который был опубликован только в 1874 году. [31, 38-39]

10. Два знаменитых стихотворения Гете имеют в своем названии это слово – «Sehnsucht» и «Selige Sehnsucht».

11. И.М. Семенко в комментарии к балладе В.А. Жуковского «Рыцарь Тогенбург» особо отмечает:

«Шиллеровская баллада была программным преромантическим произведением об идеальной любви, вечном «томлении» («Sehnsucht»). Этот смысл ее передан Жуковским, причем «томление духа» даже усилено». [39, 461]

12. Ср.: «...некоторые слова («Sehnsucht, Edel, Ernst, Gemüth und Staat, // Malen und Anbeten»), <...> так и не были воссозданы в русском языке по своей внутренней форме, не калькированы. Они замещены синонимами, образованными от иных основ и, соответственно, имеют иной глубинный смысл». [42, 12]

13. На возможность такого понимания слова «Sehnsucht» указывает фраза Л. Тика по поводу миннезингеров: «Эти песни поэты могут доставить лишь скромное, неполное наслаждение, и только повторное и внимательное прочтение делает их проникновенными и благозвучными, в противном случае ничто так не способно, как они, возбудить то неопределенное *томление* скуки, в духе которой пишут сравнительно много в последнее время». [44, 115]

14. См.: «Крупнейшие поэты остаются к сонету холодны: твердая форма представляется им не в меру сковывающей. Три пушкинских сонета (1830: «Суровый Дант...» с комплиментом Дельвигу, «Поэту» и «Мадонна») – все имеют неканоническую рифмовку; у Жуковского, Вяземского, Языкова, Лермонтова с трудом можно найти по одному сонету...» [46, 165]

А.Э. Дудко, аспирант кафедры русской литературы XI-XIX веков Орловского государственного университета
E-mail: gunner_33@mail.ru

A.E. Dudko, graduate student of the Russian literature department (XI-XIX centuries) Orel State University
E-mail: gunner_33@mail.ru